

Валенки

Рассказ

— **НЮРКА, ЯДРЕНА ВОШЬ**, вставай да иди в школу.

Нюрка встала да пошла. Идти было долго — по дороге; потом лесом, через ферму и за сады. Дул ветер, становилось зябко. Колька, подлец, накануне валенки последние подрал да матери не сознался. Вот и пришлось Нюрке в драном валенке на босу ногу в школу идти.

«Ой, грязи-то набилось, — думала она, — кабы не засмеяли».

Да еще и валенки-то были не ейные — мужицкие, сорок третьего.

— Эй, Нюрка! — закричал Григорий с трактора, — в академию, что ль, намылилась? Так залазь, до фермы доведу.

— Спасибо, дядя Гриш.

Мужчина выпрыгнул из кабины, взял Нюрку и подкинул к кузову. Валенки слетели. Нюрка покраснелась.

— Тебе не здоровы ли? А дыры-то какие, ёпсель-мопсель, чай продрогла вся, — Григорий почесал за головой и придумал: — Мы, сейчас до фермы-то как доедем, ты поди в хлев да возьми сенца свежего. В валенок вставить — да бегать потом, забот не знать.

— Да как же можно, дядя Гриш, сено с фермы? Да рази так люди делают?

— Да много ли тебе надо? Тьфу, ерунда! А так хоть ноги в тепле будут.

На ферме стояла духота; прел необрунный навоз. Григорий вел Нюрку за руку.

«Мать узнает — излупит. А Колька ещё и поддаст, — вертелось в голове у нее, — да как же, как взять-то можно?»

— Ну давай! — Мужчина толкнул Нюрку к хлеву.

Она подпрыгнула, через дыру в досках ухватила сено и начала застилать дыру в валенке. Григорий смолил в стороне самокрутку.

Сено искололо всю ногу и вылезало наружу. Нюрка шла садом в гору и ревела как колова:

— Вот позор какой! Отец за родину, отец без ног, а я чего. Воровка. Самой противно — воровка. Выросла доченька.

На вершине холма, у забора стояла злая с голудо коза.

— Козочка, козочка, — Нюрка пошла к ней, — выросла я, козочка, отец лежит мучается, а я, козочка, наворовала у страны на валенки.

Козочка стояла, как вкопанная: ей было все равно и на отца без ног, и на Нюрку, и на страну, потому что козочка глядела на сено и ловила каждое движение валенка. И тут она грозно по-

шла на Нюрку и даже выломала кол, к которому была привязана.

— Ты чего это? — завопила девочка, попятившись назад.

Тут коза побежала за ней и, насадив на рога, кинула с горы. Нюрка покатила кубарем, а та поскакала следом, за сеном.

«Все пальто замарала, все пальто, — единственно думала Нюрка, крутясь кувырком, — в чем Таньку завтра в город повезут».

Нюрашка приземлилась к подножию, свернулась калачиком и разревелась еще хлеще. Коза сидела рядом, жевала и тоже редела — от сытости.

Вечером мать лупила Нюрку ремнем.

— На всю округу опозорила. Пришла замарашкой в школу, да и с мотней на штанах равной. До гроба хотите довести, да на что вы мне все? На что? Один лежнем лежит, только жрать носи, да вы туда же.

Любка бросила ремень и побежала с криками и всхлипами в сени. Нюрка с разгоряченной головой припала к койке в чулане.

— Я, Нюра, заступился бы, ей-богу заступился, да как? — плакался отец. — Ты не вздумай на мать-то обижаться, измучилась она со мной, с калекой, не вздумай, Нюра.

Девочка уткнулась папе в живот и выла.

— Вся семья на ней, вся семья, — повторял он, крестя в слезах дочку, поминутно целуя в лоб.

Наволочка с сахаром

В АВДОТЬИНЕ накануне сахар раздавали по карточкам. Нюркина мать поразвесила его в наволочках высоко под потолком в терраске.

— Всё приедят, как увидят. А тут хоть высоко, глядишь, не доберутся, — жаловалась Любка соседке в палисаднике.

— У самой шестеро. Деваться некуда, — отвечала соседка, облокотившись на калитку.

К вечеру дети из школы пришли. Нюрка с колодца воду таскала.

— Надорвешься, милая. Хоть коромысло взяла б! — кричал ей вослед дядя Слава, курящий сигарету.

— Ничего, как раз мне, — отвечала она с надорвавшимся дыханием.

— Да неужто Колька ваш воды не натаскает?

— Дома он, свет чинит.

Дядя Слава затушил окурок и ушёл во двор. Нюрка ведра в коридоре поставила, чтоб отдышаться.

— Эй, кто там? Нюрка, ты? Поди, свет включи, — звал Колька из терраски.

Нюрка зашла, включила. Колька стоял на стремянке и радостно глядел на горящую лампу.

— Горит, — заключил он.

— А чего тут висит под потолком, Коля? — спросила Нюрка.

Брат насвистывал что-то и руки тёр.

— А вдруг это сахар? Вчера же машина приезжала.

— Много будешь знать — мало будешь спать! — весело сказал Колька и дал сестре подзатыльник.

В Авдотьине стемнело. Папа в чулане детям про войну рассказывал.

— Кур не закрыла, — вспомнила Танька с печи, — Нюрка, сбегай закрой.

Нюрка пошла. А когда шла, всё думала, как папе на войне было. И про то, что ног у него нет. Куры уже расселись по насестам и глядели сверху на Нюру, опустив головы. Она прошла по задам и поднялась в коридор. Напротив была дверь в терраску, где сахар висел.

— Я вот только проверю, он ли?

Нюрка подставила табурет, залезла и на носочки встала.

— Сахар, сахар! — шептала она.

Нюрашка лизнула ткань и тут же судорожно всмотрелась в дверь — никого. Здесь она в наволочку вцепилась и облизывать начала. И все выше и выше тянулась, чтоб больше сладкого ухватить. Тут у неё и слёзы пошли, и пульс в висках застучал. Как она в дом зашла, так никому ничего не сказала — а сразу спать улеглась. И только долго переживала, что разбудит кого своим плачем.

Утром Нюрку Танька разбудила:

— Нюра, Нюра, — кричала сестра, — мать сегодня к каше сахару даст! Вставай скорей.

У Нюрашки на душе помрачнело. В дом Любка вбежала:

— Нюрка? Доченька моя родимая где? — доносилось до Нюрки из кухни.

— Чего кричишь? — спросил отец. — Случилось чего?

— Я ей устрою! Захожу в терраску, а там... Весь пол в сахаре, да в угол наволочка закинута. Я на нее, а там! Дыра пролизана! Да это как надо было? Где она?

В переднюю распахнулись двери.

— Спишь, доченька? Ну-ка, поди сюда!

Любка скинула её с кровати. Танька рядом сидела и в угол жалась.

— Для тебя повесила? Для тебя он там висел?

Мать таскала Нюрку по полу за волосы.

— Прекрати! Ребёнок она! Оставь! — надрылся с койки отец, и слышно было, как губы у него дрожали.

— Я оставлю! Я ей так оставлю! — Любку от злости трясло.

— Мамочка, мамочка! Прости меня! — кричала Нюрка. — Больно мне! Умру я так, мамочка!

Тут Танька в ноги матери упала, сдерживать пыталась. Все с полатей посбежали.

— Все смотрите, — кричала мать, — все смотрите! Чтобы поняли! На всю жизнь чтобы поняли.

Колька за руку Любку ухватил, повел в кухню силой. Там она ему на грудь кинулась — реветь начала:

— За что оно мне? Чем я заслужила? — горланила Любка, вцепившись себе в лицо.

Девки Нюрку с пола на кровать уложили. Так она неделю и провалялась. А потом ничего — в школу пошла. Мать, хоть и злилась сначала, тут давеча на ночь Нюрку в лоб поцеловала, да покрестила. А раз, на Троицу, даже к чаю сахару подала. Только не ел его никто.

Сани

НЮРКА ЛЮБИЛА после школы на ферму ходить: собирать коровяк. Хоть и мороз стоял, хоть и голодная была, но ведь мать украдкой когда-когда да достанет пенок с настоящего парного молока! Лишь бы и сегодня вышло.

Любка весь день быков намывала. Мужики к ним незавязанным подходить боялись, а она — намывала. Норашка ждала её у загона и до слёз молилась, чтоб мать пенок пронесла. А мать как кончила, так дочке ведро с лопатой в руки — и в телятник.

Нюрке повезло: коровяк успел подсохнуть, целых два ведра набрала — значит будет чем топиться. Тут и Любка зашла. Нюра как подогнутый подол заметила, так лопату в угол и к матери мчится.

— Да тихо, тихо ты! Карман подставляй. Тут не ешь, за воротами.

Только б до ворот теперь дойти. Целый карман сухих пенок! Так бы вот по одной в рот класть и рассасывать, да куды там! Не выдержишь. И Нюрка, сидя на снегу, всё глотала и глотала пенки, да так вкусно было, хоть пальцы и коровяком отдавали.

У калитки дома к Нюре выбежала Нинка.

— Смотри, смотри, чего соседи выкинули! — Нинка радостно показала сестре свернутую в

круг толстую проволоку с коротенькими отходящими зубчиками. — Сито продырявленное! А ты еще два ведра с фермы принесла! Эх, только б мать дожидаться!

Вечером Любка уже растопила три здоровенные лепешки коровяка. Дети в доме всё носы затыкали, но знали, что так кататься тепло будет, и терпели да смотрели внимательно, как мать делает.

И опять Нюрке ждать: всю ночь, чтоб на морозе сито, политое коровяком, затвердело; потом еще одну — ведь нужно водой обдать, чтоб и она затвердела, а потом снова ждать — своей очереди.

Нюрашка четвертая была, после Нинки, Клаши и Таньки.

— Нюрка, ну дай покататься — просил Шура и как-то странно улыбался.

— Да как же? Сёстры не дадут, мы сами ещё не накатались.

Шура рассердился, улыбаться перестал и начал было уходить, да только Нюрке почему-то так нравилось смотреть на то, как именно один Шура улыбается, что она крикнула ему:

— Ну ладно, давай потом принесу! Как все спать лягут, чтоб не увидели!

Шура подмигнул Нюрке и сказал, что ночью её ждать будет.

Как же Нюрка не хотела, чтоб темнело. Это дай бог мать не узнает, а если узнает? Опять излупит. А что тут поделывать, сама виновата.

«Не пойду никуда, — думала Нюра, — покататься ему захотелось, а мне получать. И из дома не выйдешь. Возьму и не пойду».

И ведь решила уже не ходить, да потом, как представила, что Шура стоит там, ждёт на морозе, и ей так тоскливо сделалось — чуть слёзы не полились.

Вот все и уснули. Нюрке теперь так встать с койки нужно было, чтобы Таньку не задеть. С горем пополам — встала, тихонько оделась и дошла до сеней. Дальше жутко — Нюрка никогда не выходила ночью одна. И деревья стояли страшно, и снег под валенками хрустел тоже страшно, и ветер завывал страшный, а идти надо было.

«А как же возвращаться?» — пронеслось в мыслях у Нюрки.

Но у холма уже виделся Шура, и все она за была.

— Аккуратно только, не гони.

— Да давай уже! — он выхватил сани и покатился так сильно, что в самом низу навернулся. Раскололись!

Утром Нюрка хоть и проснулась рано, а глаза открывать не хотела. Если б еще мать на ферму ушла, то можно было б что придумать, а тут — выходной. Конечно, все кататься побегут. А может, не поймут?

— Мама, сани наши разбитые валяются! — вбежала в переднюю Кланы чуть ли не в слезах.

— Коровяк остался ещё, починим, — отвечала мать, растапливая печь.

Нюрка выдохнула — не поняли!

На стол Любка сегодня лепешки из годичной картошки поставила, все за счастье уплетали, а Нюрка как к матери прицепилась, так и оторваться не могла.

— Да полно, полно обниматься, Нюра, — ругалась Любка, — ешь давай.

Тут в дверь постучали. Танька сбегала, открыла и привела за собой красного Шуру.

— Это... Нюра-то, у вас — хорошая. Я жениться на ней хочу даже, как вырасту. Вы её не ругайте только, это я сани разбил.

Покос идёт!

В ПОКОС НЮРКУ часто посылали на поле, сбежать отнести чего. Страшно...

Бежит Нюрка по стоптанной дороге, босичищем, пальцы в кровь, ноги ошпарены прогретой землей, не дай бог на камень налететь. А солнце горячее стоит, печет до одури. И тишина вокруг. Только кузнечики с мошкаррой трещат на пару, сердце в виски отдает, да эхо удары пяток по безлюдным полям разносит. Страшно Нюрке, но дальше страшнее.

Бабы на солнцепеке, одна за другой вялятся. Это хорошо если вовремя заметят, а не заметят, то чего? И ведь, главное, не замечают. Так и ведется: унесут под белы рученьки — и в землю. Да еще говорят, мол, отдохни, раба Божья, отмучилась матушка. И не оплакивают, не жалеют. Некогда жалеть, покос идет!

Кончилась дорога, поле впереди, над Нюркиной головкой трава колосится. Колючая, страшная трава, на крови выросшая. Будет чем зимой

партийный скот кормить. Самим еды не будет, сами в истощеньи помирать начнут, зато корове государственной будет чего пожевать.

Любка под солнцем на примятой траве лежит, расправив руки. Нюрка к ней валится и долго, долго с замиранием слушает дыхание матери. И делается ей не страшно, совсем как взрослой. Дышит мать, остальное — не страшно! Давай, вставай, Любушка, пей принесенную Нюркой воду, некогда отдохнуть — покос в разгаре!

Это в сказках в полях наших песни льются, а в Авдотьине в покос — тишь. Только Танька воет уж третий день. Тут давеча у нее ребеночек грудной помер. Ей бы хоть повыше, хоть на стог его положить, может, и отвел бы господь. А она, дуреха, прям на траву — спи сынок. А сынку крыса носик и пооткусала. А уж красивый был, щечки розовые, глазки в полмордашки — чудо! Вот Танька и воет, да покос, все тут воют. Нужно косить, нужно. Хуже будет. Любка её обнимала, успокаивала. А Таньку одно успокоит — на косу напороться, да дома семеро по лавкам, кормить нужно, а мужика нет. Страшно.

А вот Любка Дружкова напоролась, хоть и дети, и мужик был. Так вот грохнулась под солнцем — и на косу. Вот и поминай как звали. Если б еще люди поспели, как бы и обошлось. Да нашли под вечер, всю в крови. Тут уж и крысы набежали. Ой, как страшно. Страшно, да не боится никто — нечего бояться, покос идет!

А к вечеру красиво в поле — жуть! Золотое небо висит над травой, прохлада. Запах сена стоит, ветерок маки с васильками колышет, а звука-то сколько, сиди и слушай разив рот, как все звенит, трещит, свистит! И радость какая — можно в дом идти, спать можно.

Спи, Любушка, спи, труженица. В полях по ночам — глаз выколешь. И ты, Нюрка, спокойно спи — дышит мать! А завтра ранехонько вставайте с зарей, нельзя в кровати долго залежаться — покос идет!